

БАРД ПОЭТ
ЛЮБОВНИК ДИМ

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Бард Поэт - Любовник Дам

«Автор»

2026

Патрушев С.

Бард Поэт - Любовник Дам / С. Патрушев — «Автор», 2026

Александр — странствующий бард, виртуозный музыкант и патологический сердцеед, чья жизнь — бесконечная череда побегов от разъярённых мужей, обманутых любовниц и наёмных убийц. Его главное оружие — не меч, а лютия, острый язык и неотразимое обаяние, которое раз за разом втягивает его в новые неприятности. Он должен написать поэму, иначе его казнят. Должен украсть артефакт, иначе его проклянут. Должен сбежать от трёх невест, иначе его женят. Должен спасти королевство, но его никто не слышит — ведь он потерял голос. И пока за ним охотятся инквизиторы, ведьмы, гномы, эльфы, дракониха и, конечно, бывшие возлюбленные, Александр делает то, что умеет лучше всего: попадает в передряги, очаровывает женщин и сочиняет об этом песни.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Баллада о рогатом муже	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Бард Поэт - Любовник Дам

Глава 1. Баллада о рогатом муже

Запах, царивший в таверне «Слепой Кракен» в этот промозглый, пропитанный сыростью и безысходностью вечер, был настолько густым, плотным и многослойным, что, казалось, его можно было бы нарезать на ломти и продавать на рынке как особый сорт застарелого, перебродившего сыра. В этом тяжелом, застоявшемся воздухе, словно призраки прошлых пирушек, витали и смешивались воедино десятки ароматов, составлявших неповторимый букет портовой таверны: кислый запах дешевого эля, пролитого на столы и пол, который уже начал прокисать и смешиваться с грязью, принесенной с улиц; острая, проникающая в каждую щель вонь гниющей рыбы и протухших моллюсков, которую не могли перебить даже самые крепкие курения; тяжелый мускусный дух немых, потных тел моряков, неделями не видевших пресной воды; и, наконец, сладковато-приторный аромат трубочного табака, который курил кто-то в дальнем углу, пытаясь замаскировать все остальные запахи.

Для Александра, странствующего барда, трубадура и сердцеда, этот букет был роднее и приятнее любых благовоний, какие только можно было найти в покоях знатных дам или в лавках восточных торговцев, потому что именно этот запах, тяжелый и всепроникающий, был для него не просто сочетанием неприятных ароматов, а истинным ароматом жизни, свободы и бесконечной дороги, которая никогда не заканчивалась. Он называл это амбре «запахом вдохновения», когда в его кошельке звенело хотя бы несколько медных монет, и «ароматом нищеты», когда карманы были пусты, а желудок сводило от голода, но в обоих случаях этот запах означал одно — он снова в портовом городе, снова среди людей, готовых слушать его песни, платить за них звонкой монетой и наливать ему выпивку.

Данвик, этот печально известный портовый город на самом краю обитаемых земель, куда стекались все отбросы цивилизации, преступники всех мастей, беглые должники, разорившиеся торговцы и прочие искатели сомнительной удачи, и откуда уплывали все, кто хотел начать жизнь заново в далеких колониях или просто исчезнуть без следа, встретил его сегодня серым, промозглым вечером, который, казалось, был соткан из тумана, мелкого дождя и той особой безнадежности, что витает над городами, живущими за счет моря. Дождь моросил с самого утра, не переставая ни на минуту, превращая и без того грязные, извилистые улицы города в настоящие каналы из жидкой, чавкающей грязи, по которым с трудом могли передвигаться даже самые выносливые ломовые лошади, не говоря уже о пеших путниках, рисковавших увязнуть по самые колени. Люди, сбившиеся в таверне «Слепой Кракен», были злы, пьяны, голодны и смертельно уставши от бесконечного ожидания попутного ветра или окончания сезона штормов, а потому готовы были развлекаться любым доступным способом — от простой драки до прослушивания заезжего барда, что делало их идеальной публикой для человека вроде Александра.

Он неторопливо поправил ремешок своей верной лютни, висевшей за спиной в потертом, но все еще крепком кожаном чехле, и решительно шагнул внутрь, в этот наполненный шумом, теплом и запахами полутемный зал, где его появление заметили далеко не сразу. Владелец заведения, грузный мужчина с лицом, напоминавшим переваренную свеклу, с малень-

кими заплывшими глазками и вечно недовольным выражением лица, лишь мельком взглянул на вошедшего барда и коротким, едва заметным кивком указал ему на пустое место возле очага, где обычно выступали заезжие музыканты. Александр прекрасно знал этот тип трактирщиков: они не предлагали денег, но разрешали выступать за еду, за кружку пива и за то, что шумный, популярный бард непременно привлечет в их заведение еще больше пьющих моряков, готовых расстаться со своей честно заработанной или, что чаще, нечестно украденной монетой. Это была сделка с дьяволом, но дьявол сегодня был готов кормить его горячей рыбной похлебкой, а это, в его положении, было уже немало.

Он прошел через весь зал, ловко лавируя между грубо сколоченными столами из потемневшего от времени дуба, за которыми сидели люди самых разных профессий и степеней опьянения, и на него бросали взгляды — кто-то с пьяным безразличием, не отрываясь от кружки, кто-то с тупым, ничего не выражающим любопытством, а кто-то и с явной, плохо скрываемой неприязнью, потому что в таких местах, как Данвик, чужаков не любили по определению. Александр, привыкший к подобному приему, лишь улыбался краешком губ, демонстрируя всем своим видом полное спокойствие и уверенность человека, который точно знает, чего хочет и как этого добиться. Он прекрасно знал, как выглядит в глазах окружающих: высокий, худощавый, но крепкий в кости и жилистый, как породистый боевой пес, с темными, слегка выющимися волосами, небрежно собранными в хвост на затылке, и черными, глубоко посаженными глазами, в которых, как любили с придыханием говорить его многочисленные поклонницы, пляшут самые настоящие бесы. На нем был поношенный, но сшитый из дорогого, благородного сукна камзол глубокого цвета запекшейся крови, из-под которого виднелась некогда белоснежная, а теперь пожелтевшая от времени и дорог рубаха, а на поясе, в простых, но надежных ножнах, висела его верная рапира, острый клинок которой не раз спасал ему жизнь и служил весомым аргументом в спорах с теми, кого не могли убедить слова.

Он неторопливо устроился на шатком табурете, из которого предательски торчали клочья конского волоса, и принялся настраивать свою лютню, этот старый, выдавший виды инструмент из темного, почти черного дерева с изящными перламутровыми вставками на грифе и деке. Этот инструмент был его гордостью, его единственным постоянным спутником и, пожалуй, единственным существом на всем белом свете, которому он был по-настоящему верен. Лютня пережила вместе с ним три кораблекрушения, одну длительную осаду в каком-то богом забытом замке, бесчисленное количество любовных приключений своего хозяина и не меньшее количество поспешных бегств от разъяренных мужей, отцов и женихов. Он медленно, с видом истинного мастера, повернул деревянный колок, и по всему залу внезапно разлился чистый, глубокий, резонирующий звук, который на одно короткое мгновение перекрыл собой весь этот гул пьяных голосов, звон кружек и стук костей.

Александр начал свое выступление с «Плача по Сапфировому берегу», этой печальной и величественной баллады, которую он сам сочинил несколько лет назад в порту далекого южного города, вдохновленный рассказами старого моряка о погибшей родине. Голос у него был не слишком сильный, не способный перекрыть шум шторма или рев разъяренной толпы, но зато невероятно гибкий, богатый оттенками и, что самое главное, дьявольски обаятельный, способный пробираться в самые глубины человеческой души, заставляя даже самых черствых и грубых людей на мгновение остановиться и прислушаться. Он умел играть своим голосом, как виртуозный музыкант играет на скрипке, то опускаясь до интимного, заговорщицкого шепота, который заставлял слушателей подаваться вперед, боясь пропустить хоть слово, то взлетая до звонкой, искренней, почти хрустальной ноты, от которой у людей по коже бежали мурашки и на глазах выступали непрошеные слезы. Он пел о далеких, экзотических землях,

где песок золотой, а небо бирюзовое, о великой любви, проданной за мешок обычной соли, и о смерти, которая не смогла забрать героя, потому что у того при себе не оказалось достаточно золота, чтобы заплатить за переправу. Люди за столами, которые поначалу не обращали на него никакого внимания, постепенно начали прислушиваться, отставляя в сторону кружки и прекращая разговоры. Стук глиняной посуды становился все тише и тише, голоса замолкали один за другим, и к середине второй баллады в зале воцарилась та особенная, наполненная ожиданием тишина, которая была для Александра дороже любых денег. Это был момент, ради которого он жил, момент полного, безраздельного триумфа, когда он, безвестный бродяга без гроша в кармане, внезапно становился центром вселенной, когда чужие судьбы, чужие эмоции и чужие сердца были в его полной власти, как глина в руках скульптора.

После второй баллады, веселой и соленой, как брызги морского прибоя, в его пустую оловянную кружку кто-то щедро плеснул пива, а после третьей, задумчивой и протяжной, рядом с кружкой появилась первая монета — медная, стертая, но все равно приятно тяжелая, обещающая продолжение. Александр, не прерывая песни, слегка приподнял свою кружку, салютуя невидимому благодетелю, и продолжил свой репертуар, переходя от одной истории к другой, как опытный кормчий ведет корабль через знакомые воды.

Именно в этот момент, когда он, казалось, полностью овладел вниманием зала и заставил всех этих грубых, усталых людей забыть о своих проблемах, дверь таверны распахнулась так внезапно и с такой чудовищной силой, будто снаружи в нее вломился сам дух Шторма, этот капризный и безжалостный бог всех мореплавателей, решивший лично навестить заведение. От этого грохота несколько человек вздрогнули и пролили свое пиво, а лютня в руках Александра издала фальшивый, дребезжащий звук.

В зал вошли четверо. Нет, не вошли — они втекли в помещение, как поток ледяной, могильной воды, мгновенно и бесповоротно изменив всю атмосферу, которая еще минуту назад была наполнена теплом, музыкой и почти семейным уютом. Они были одеты в одинаковые, явно сшитые на заказ простеганные кожаные доспехи, усиленные блестящими металлическими пластинами на плечах и предплечьях, что сразу выдавало в них людей, зарабатывающих на жизнь войной. У каждого на поясе висело по кривому, хищному ножу, а у двоих, шедших впереди, еще и по короткому мечу, который то и дело бился о ногу при ходьбе. Эти люди явно не были похожи на мирных рыбаков, решивших пропустить по кружечке-другой эля после тяжелого дня, или на торговцев, желающих отметить удачную сделку. Это были наемники, профессиональные головорезы, для которых убийство было такой же привычной работой, как для кузнеца ковка лошадиных подков.

Александр, сохраняя внешнее спокойствие, не прервал свою песню. Его голос даже не дрогнул, хотя внутренности в этот момент скрутило в тугой, холодный, болезненный узел, какой бывает только у человека, который внезапно осознает, что его прошлое настигло его в самый неподходящий момент. Он продолжил выводить рулады, продолжал перебирать струны, но его черные глаза, не теряя выражения безмятежной сосредоточенности, внимательно, цепко, по-кошачьи следили за каждым движением вошедших. Они не искали свободного столика, не оглядывались в поисках знакомых лиц, как это делают обычные посетители. Их взгляды, холодные, оценивающие, лишенные каких-либо эмоций, методично обшаривали зал, скользя по лицам всех присутствующих, словно они искали кого-то конкретного среди этого моря пьяного отребья. Наконец, взгляд старшего из них, лысеющего детины с грубым, пересекающим губу шрамом, который придавал его лицу выражение вечной жестокой усмешки, остановился. Замер. И Александр с ужасом понял, что смотрит этот человек прямо на него.

Песня подошла к концу, последняя нота растворилась в воздухе, и в наступившей, звенящей тишине, нарушаемой лишь потрескиванием дров в камине да чьим-то сдавленным кашлем, лысеющий наемник сделал первый, тяжелый шаг вперед, который прозвучал как приговор.

— Эй, ты! — его голос, скрипучий и неприятный, как несмазанное колесо телеги, прокатился по всему залу, заставляя людей инстинктивно втягивать головы в плечи. — Это ты называешь себя Александром, бардом?

Александр, сохраняя маску полнейшего, почти оскорбительного спокойствия, снял лютню с колен и аккуратно, с подчеркнутой осторожностью поставил ее на пол, прислонив к теплой, шершавой стене. Он не торопясь, с ленцой человека, который никуда не спешит и ничего не боится, взял свою кружку с пивом и сделал долгий, демонстративно медленный глоток. Пиво было водянистым, отдавало дымом и почему-то мокрой овчиной, но он сделал вид, что наслаждается каждым глотком.

— Здравствуй, — сказал он наконец, растягивая слова, как избалованный аристократ растягивает удовольствие от дорогого вина, и слегка приподнял бровь. — Ты, верно, хотел заказать песню? «Баллада о прекрасной деве и одноглазом тролле»? Чувствую, она пришлась бы тебе особенно по вкусу.

Несколько человек в зале нервно хихикнули, не удержавшись от смеха при виде этой сцены, но тут же заткнулись, испуганно замолчав, когда лысый наемник медленно, как пушка, наводящаяся на цель, обвел их своим тяжелым, ничего не сулящим взглядом.

— Острый язык, — процедил наемник, и в его голосе прозвучало не столько восхищение, сколько угроза. — Мне рассказывали о тебе. И о твоих... аппетитах. Ты кое-что взял, что тебе не принадлежит. И мы здесь, чтобы вернуть это. Или возместить стоимость.

Александр нахмурился, лихорадочно перебирая в памяти все свои последние похождения, все долги, все сомнительные сделки и все любовные связи, которые могли привести к такому серьезному визиту. Мысли его заматались, как стая перепуганных птиц. Долг? Он был должен денег. Многим. Очень многим, если быть до конца честным, потому что вести жизнь странствующего барда и сердцееда — занятие не из дешевых. Это была аксиома его существования, такая же непреложная, как восход солнца на востоке и закат на западе. Но наемники? Серьезные, профессиональные наемники, которые, судя по их виду, стоили немалых денег? За ним обычно посылали разгневанных мужей с вилами и дубинами, разъяренных отцов с дробовиками, а иногда и обманутых любовниц с кухонными ножами, но нанять целый отряд головорезов — это было что-то новое, что-то, что выходило далеко за рамки его обычных неприятностей. Его последние финансовые махинации явно не тянули на такой дорогостоящий эскорт, а значит, дело было в чем-то другом.

— Не припоминаю, чтобы брал у вас что-то, господа, — спокойно, почти лениво произнес он, ставя кружку на стол и слегка разводя руками, демонстрируя свою незащищенность. — Может, вы ошиблись? Здесь, в Данвике, много симпатичных бардов. Возможно, вы ищете кого-то другого.

— Я не ошибаюсь, — лысый сплюнул на грязный, заплеванный пол, и этот жест, простой и грубый, прозвучал как объявление войны. — Ты Александр. Ты был в деревне Ржавый Мост неделю назад.

Внутри у Александра все оборвалось. Не от страха, потому что он давно уже научился контролировать свой страх, а от внезапного, ледяного, парализующего осознания, которое обрушилось на него, как ушат холодной воды. Ржавый Мост. Да, он был там. И не просто был, как бывает проездом, на день или два. Он провел там целых четыре дня, ожидая попутной повозки, которая должна была увезти его на юг, к более теплым и благословенным землям. Четыре долгих, томительных дня... и три ночи. И одна из этих ночей, одна конкретная, особенная ночь, была особенно... поэтичной.

Он медленно, почти против воли, перевел взгляд на второго наемника, который до сих пор не произнес ни единого слова, стоя чуть позади остальных, в глубокой, почти театральной тени. Это был огромный мужчина, похожий на разъяренного медведя-людоеда, с копной рыжих, как пламя костра, волос и такой же рыжей, буйной бородой, которая росла у него, казалось, даже из ушей. Его маленькие, глубоко посаженные глазки, похожие на два тлеющих уголька, смотрели на барда не мигая, с таким выражением, что Александру на мгновение стало по-настоящему дурно. Это был взгляд, в котором горел такой лютый, такой всепоглощающий, такой первобытный огонь ненависти, что он, казалось, мог испепелить на месте. В этом взгляде не было ни капли сомнения, ни капли колебания, только чистая, животная жажда мести.

Александр узнал это лицо. Конечно, узнал. Просто не сразу, потому что в тот момент, когда он видел его в последний раз, оно было не красным от ярости, а бледным от удивления, а борода была не такой рыжей, а словно присыпанной дорожной пылью. И мужчина был один, без этих угрюмых спутников.

— Ох, — выдохнул Александр, и это короткое «ох» было исполнено глубокого, искреннего сожаления. Но сожаления не о содеянном, потому что он никогда не сожалел о своих любовных похождениях, а о том, что это досадное недоразумение всплыло так быстро и в таком неудобном, совершенно неподходящем для этого месте. — Я, кажется, начинаю понимать. Ты ведь не будешь тем самым... мельником?

— Я кузнец, — прорычал рыжебородый, и его голос был похож на скрежет ржавого железа о камень, на грохот молота о наковальню, на звук, который не предвещает ничего хорошего. — И я пришел сюда, чтобы сломать тебе все кости, какие у тебя есть. Все до единой. Ты, грязный, похотливый пес, совратил мою жену!

По залу прокатился потрясенный, многоголосый вздох, похожий на шум волны, набегавшей на берег. На лицах посетителей, которые еще минуту назад были погружены в свои мысли, отразилось живейшее, почти неприличное любопытство. Такое развлечение, как публичное разоблачение любовных походов, не каждый день увидишь даже в таком месте, как Данвик, где, казалось, уже ничем нельзя было удивить. Толпа инстинктивно подалась назад, отодвигая столы и стулья, образуя широкий круг, словно перед сценой, на которой должно было разыгаться кровавое представление.

Александр медленно, не делая резких движений, поднялся со своего табурета, чувствуя, как его мозг лихорадочно просчитывает все возможные варианты развития событий. Ситуация была скверная, очень скверная, почти безнадежная. Один разгневанный кузнец, даже такой

огромный, как этот, — это одно, с ним можно было попытаться справиться, обмануть, запутать словами. Но кузнец с тремя друзьями-профессионалами, вооруженными до зубов, — это смертный приговор, который не предполагает никаких апелляций. Бежать некуда, потому что входная дверь была за спиной наемников, а окна, узкие и грязные, были похожи на бойницы, в которые не пролезла бы даже кошка.

— Давай поговорим, — дружелюбно, почти ласково начал он, поднимая руки в умиротворяющем жесте человека, который не хочет никаких проблем. — Как мужчина с женщиной. Твоя жена... Элис? Элис — прекрасная женщина. Я этого не отрицаю и никогда не стану отрицать.

— Не смей произносить ее имя! — взревел кузнец так, что задребезжали стекла, и сжал свои кулаки, каждый размером с хороший окорок, а мышцы на его руках натянулись, как корабельные канаты.

— Хорошо, не буду, — легко, с готовностью согласился Александр, не переставая обязательно улыбаться. — Но пойми меня правильно, дружище. Я — артист. Я не выбираю, кому дарить свое вдохновение, оно приходит ко мне само. Я даю людям то, чего им не хватает. Твоя жена сказала мне, что одинока. Что её муж, могучий и уважаемый человек, слишком занят своей наковальней и своими заказами, чтобы обращать на неё хоть какое-то внимание. Что он не говорил ей ласковых слов с самого дня их свадьбы. Я лишь утешил несчастную, изголодавшуюся по вниманию женщину. В этом моя миссия — приносить утешение страждущим.

Кузнец сделал еще один тяжелый шаг вперед, и половицы под его невероятным весом жалобно, протестующе скрипнули, словно молили о пощаде.

— Ты лжешь! — прорычал он, брызгая слюной. — Она моя законная жена! Она поклялась перед богами быть мне верной! А ты... ты все разрушил!

— Перед богами клянутся не любить, а подчиняться, — парировал Александр, нащупывая под рубахой, поближе к груди, небольшой кожаный мешочек с порошком, который он всегда носил с собой на случай таких вот досадных недоразумений. — Любовь — это совсем другое чувство, друг мой. Любят, не спрашивая разрешения ни у богов, ни у людей. И, поверь моему опыту, у неё был выбор. Она выбрала меня. На одну ночь. Всего на одну-единственную ночь. Разве это преступление? Разве за это убивают?

— Ты украл мою честь! — заорал кузнец, и в его голосе было столько боли, что Александру на мгновение стало почти стыдно.

— Честь нельзя украсть, её можно только потерять, — тут голос Александра неожиданно стал ниже и жестче, утратив всю свою напускную игривость. Он понял, что разговоры больше не помогут, что этот человек пришел не для того, чтобы вести дискуссии о морали. Нужно действовать. И действовать так, как он умел лучше всего — словами, обращенными в самое опасное оружие на свете.

Он быстро оглядел весь зал, этих десятки людей, ставших невольными свидетелями его разоблачения. Моряки, торговцы, воры, проститутки, пара беглых дезертиров, сбежавших со службы. Идеальная, жаждущая хлеба и зрелищ публика, готовая растерзать любого, кто покажется им слабым, но также готовая поднять на смех того, кто выставит себя дураком.

— Смотрите! — внезапно крикнул он, раскинув руки и обращаясь ко всему залу, как великий актер обращается к зрителям. — Смотрите все на этого человека, что зовет себя кузнецом и мужем! Он не смог удержать свою жену в своей собственной постели, и теперь, вместо того чтобы разбираться со мной один на один, как подобает оскорбленному мужу, он привел вооруженных головорезов, чтобы они сделали за него его работу! Трус! Жалкий, ничтожный трус! Он боится меня, простого барда, поэтому и привел своих нянек!

Это сработало. Слова, как стрелы, попали точно в цель, в самое уязвимое место, в ту первобытную гордость, которая делает мужчин мужчинами. Кузнец взревел, как раненый, загнанный в угол зверь, и ринулся вперед, сметая на своем пути табуреты, столы и опрокидывая кружки. Но Александр ждал именно этого, ждал этой слепой, неконтролируемой ярости, которая лишает человека способности рассуждать. Он молниеносно метнул ему в лицо горсть песка и едкого перца, которую держал в своем потайном мешочке. Кузнец заорал, ослепнув от невыносимой боли, врезался в ближайший стол и рухнул на пол, разбрызгивая во все стороны эль, остатки рыбной похлебки и осколки глиняной посуды.

Трое наемников, не ожидавшие такого дерзкого поворота событий, мгновенно отреагировали, выхватывая оружие.

— Убейте его! — проорал лысый, бросаясь на барда, как разъяренный бык.

Но Александр уже не стоял на месте. Он был в движении, он жил в этой стихии внезапно вспыхнувшего хаоса, он дышал им, как воздухом. Он перепрыгнул через упавший стул, схватил с чужого стола чью-то наполовину полную тарелку с отвратительной жидкой кашей и запустил ее в первого наемника. Тот, обладающий отличной реакцией, легко уклонился, и тарелка, пролетев мимо его головы, с грохотом разбилась о стену, обдав липкой жижей соседний стол, за которым сидели три здоровенных молчаливых рыбака.

— Он напал на человека! — крикнул кто-то из толпы, и в этот момент все окончательно смешалось.

Второй наемник, с коротким мечом, попытался ткнуть Александра в бок, но бард, который, несмотря на свою репутацию легкомысленного трубадура, был отличным фехтовальщиком, хотя и не имел возможности вытащить свою рапиру в такой немислимой давке, отпрянул в сторону и схватил за грудки огромного пьяного моряка, толкнув его прямо на нападавшего. Моряк, пьяный до состояния невменяемости, решил, что это наемник напал на него, и ответил сокрушительным ударом кулака в челюсть. Наемник, получив такой удар, отшатнулся, теряя равновесие.

— Держи его! — заорал лысый, но его уже никто не слушал, потому что в зале началось то, что в подобных местах называют «славной потасовкой».

Заварились та самая каша, которую Александр умел готовить лучше любого супа. Сначала дрались только кузнец, пытавшийся проморгаться и снова встать на ноги, наемники и случайно втянутый в драку моряк. Но уже через минуту соседний стол решил, что наемники оскорбили их своим вызывающим поведением, и ввязался в потасовку. Кто-то разбил глиняную кружку о чью-то голову, и кровь брызнула на пол. Кто-то закричал: «Хватайте его!». Никто

не понял, кого именно нужно хватать, но хватать начали всех подряд, не разбирая, кто прав, кто виноват.

Александр, пригнувшись так низко, как только мог, нырнул под стол, укрываясь от летающих по воздуху предметов и размахивающих кулаками людей. Его сердце бешено, оглушительно колотилось о ребра, но губы при этом растянулись в торжествующей, довольной улыбке. Драка была его стихией, его родной средой обитания, а хаос — его самым верным и надежным союзником.

Он перекатился по грязному, усыпанному опилками полу к ногам деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, где сдавались комнаты для тех, у кого были деньги на ночлег. Над его головой просвистел, едва не задев по уху, тяжелый глиняный кувшин. Сзади раздался яростный, нечеловеческий рев: это кузнец, уже проморгавшийся и с перекошенным от бешенства лицом, ломился к нему сквозь толпу, расшвыривая людей в стороны, как кегли, не обращая внимания на сыплющиеся на него удары.

— Я убью тебя! — рычал он, и в его голосе было столько ненависти, что она, казалось, могла убить сама по себе. — Разрежу на ремни!

— Напомни мне потом рассказать тебе о её родинке за левым коленом! — крикнул в ответ Александр, перепрыгивая через перила лестницы и приземляясь на ноги с грацией кота.

Это была его роковая, непростительная ошибка. Упоминание родинки, этой интимной детали, которую мог знать только очень близкий женщине человек, подействовало на кузнеца лучше любого боевого клича. Он, казалось, потерял всякое подобие человеческого разума и удвоил свои усилия, снося на своем пути даже своих собственных товарищей, которые пытались ему помочь.

Александр, понимая, что дело совсем плохо, метнулся к двери, ведущей на кухню. Там было невыносимо душно, пахло горелым маслом, пережженным луком и чем-то, что, вероятно, когда-то было мясом, и кипели на огне огромные котлы. Толстая кухарка, вооруженная ухватом, как боевым копьем, преградила ему путь, ее лицо выражало решимость защищать свою кухню от любых вторжений.

— А ну пошел вон отсюда! — завизжала она, размахивая ухватом.

— С огромным удовольствием, мадам! — галантно ответил Александр, отвешивая ей легкий поклон, и, выхватив у неё из рук половник, швырнул его в лицо ближайшему преследователю. Этим преследователем оказался лысый. Половник, по невероятному стечению обстоятельств, был наполнен гороховой кашей, которая растеклась по его лицу, словно зеленая, пузырящаяся маска. Он заорал, ослепленный и обожженный, спотыкаясь и падая на пол.

Александр, воспользовавшись этой заминкой, выскочил через черный ход, вывалившись в ночь. Ночной воздух, пахнувший мокрой улицей, солью моря и тухлыми водорослями, показался ему восхитительным, самым сладким воздухом в его жизни. Он бежал по узкому, извилистому переулку, скользя по грязи, но не теряя равновесия, как человек, привыкший передвигаться по самым опасным дорогам. За спиной слышался тяжелый топот и яростная брань. Кузнец, как верный пес, не отставал, руша на своем пути бочки, лестницы и все, что попадалось ему под руку.

Путь к причалам. Единственный путь к спасению. Данвик был портовым городом, и его сердцем, его пульсирующей артерией, были доки, где всегда кипела жизнь, даже в такой ненастный вечер. Там, среди лабиринта мачт, канатов, бочек и тюков с товарами, можно было затеряться быстрее, чем блоха в шкуре бродячей собаки.

Он вылетел на набережную, как пробка из бутылки. Ветер с моря, соленый и пронизывающий, ударил ему в лицо, принося с собой запах свободы и протухших водорослей. У причалов, покачиваясь на темных, маслянистых волнах, стояли десятки судов всех размеров и конструкций. Рыбачьи лодки, торговые бриги, пара каравелл, готовящихся к дальнему плаванию. Но его внимание привлекло одно — юркий торговый шлюп с гордым, но несколько претенциозным названием «Утренняя Пена», от которого как раз отдавали швартовы, готовясь отплыть с ночным приливом. На его палубе сустились матросы, поднимая косой парус, который раздувался под порывами ветра.

Александр увидел, как по носу судна прохаживается боцман, отдавая команды, и понял: это его последний шанс. Он набрал в грудь побольше воздуха и рванул, бежал так быстро, как только мог, чувствуя, как его легкие горят огнем.

Он бежал по мокрым, скользким доскам причала, и его шаги гулко, угрожающе отдавались в пустоте ночи, как удары сердца приговоренного к смерти. Сзади, как стадо разъяренных быков, неслись кузнец и двое оставшихся наемников, их лица были искажены яростью.

— Держи его! — орал он, но, как это обычно бывает в порту, никто не хотел вмешиваться в чужие разборки, потому что все знали, что лишнее любопытство может стоить ножа под ребро.

— Эй, на судне! — заорал Александр, подбегая к краю пирса, нависающему над черной, колышущейся водой. — У вас есть шанс заработать!

Боцман «Утренней Пены», жилистый мужчина с лицом, обветренным всеми штормами мира до состояния старого пергамента, взглянул на него без особого интереса, как на докучливого попрошайку.

— Заработать? — переспросил он, не прекращая жевать табачную жвачку.

— Я — бард! Знаменитый бард! — кричал Александр, лихорадочно соображая, что еще может предложить этому недоверчивому моряку. — Могу развлекать вашу команду до самого конца плавания! Я знаю триста баллад!

— Не нужен нам бард, — отмахнулся боцман, сплевывая в воду. — Отвали от сходней.

Сзади грохнули шаги. Кузнец был уже совсем рядом, он был на расстоянии нескольких ярдов.

— Тогда я заплачу! — выкрикнул Александр, судорожно шаря по карманам. Его пальцы нащупали холодное серебро — жалкие гроши, вырученные за сегодняшний вечер. — Вот! Возьмите! Этого мало, но...

Боцман посмотрел на монеты, потом на Александра, потом на его преследователей, которые уже были на расстоянии броска камня. Он явно оценивал риски.

— И ещё... — Александр сделал драматическую паузу и, взглянув на кузнеца, чье лицо было искажено злобой, произнес громко, так, чтобы слышали все на судне и на причале. — Я знаю историю о женщине из Ржавого Моста! Ту самую, из-за которой этот рогоносец сейчас опозорится на весь Данвик!

Кузнец испустил вопль такой силы, что, казалось, задрожали паруса. Его ненависть требовала крови, и неважно, что весь порт услышит о его позоре. Он был готов убивать.

Боцман «Утренней Пены», услышав про скандал, внезапно заинтересовался. В его глазах, старых и циничных, блеснул огонек авантюриста, того самого авантюризма, который гнал моряков в далекие неизведанные моря.

— Прыгай! — коротко, как выстрел, бросил он.

Александр не нужно было повторять дважды. Он разбежался и прыгнул, прыгнул так отчаянно, как не прыгал никогда в жизни. Прыжок был на грани возможностей, на пределе человеческих сил. Подошвы его сапог едва коснулись края борта, он покачнулся, взмахнул руками, теряя равновесие, но крепкая, как клещи, рука боцмана схватила его за шиворот и втащила на палубу.

В ту же секунду на причал, где он только что стоял, с грохотом обрушился кузнец. Он успел ухватиться за корму, и его лицо, искаженное ненавистью, появилось над бортом, как призрак.

— Никуда ты не уйдешь! — прохрипел он, с трудом удерживаясь на весу.

Александр, не вставая с колен, посмотрел на него. Он был бледен, волосы растрепались, камзол испачкан грязью, но он улыбался. Улыбался той самой улыбкой, которая стоила ему всех неприятностей и дарила ему все победы.

— Дружище, — сказал он, отдышавшись, — Ты слишком тяжел для этого корабля. Плыви домой.

И он резко опустил руку, сжимая в пальцах подвернувшийся под руку деревянный колышек для крепления каната. Удар пришелся кузнецу прямо по пальцам, вцепившимся в борт. Тот взвыл от боли и с плеском рухнул в холодную воду залива.

Наемники, стоя на причале, смотрели на удаляющееся судно. Лысый плюнул в воду. Рыжий кузнец барахтался у самого края пирса, изрыгая проклятия, но его никто не спешил вытаскивать, потому что его друзья были не того сорта, чтобы спасать утопающих.

«Утренняя Пена» ловила попутный ветер. Парус наполнился, и судно, плавно покачиваясь, выходило из гавани в темную, беспокойную гладь открытого моря, оставляя за кормой все проблемы и опасности, которые остались на берегу.

Александр, тяжело дыша, поднялся на ноги, отряхнул мокрый, испачканный камзол и повернулся к боцману, который, скрестив руки на груди, рассматривал его с плохо скрываемым любопытством и долей уважения.

— Ну что, бард, — произнес боцман, и его голос был похож на скрип старых палубных досок. — Ты заплатил, и теперь отработывай. Рассказывай свою историю. И, клянусь морским чертом, она должна быть хороша, иначе я лично вышвырну тебя за борт.

Александр поднял свою лютню, которую каким-то чудом успел подхватить в суматохе у очага. Её гриф был цел, лишь одна струна натянулась и звенела, как натянутый нерв, но это было поправимо. Он прислонил инструмент к мачте и сел на бухту каната, пахнувшего солью и смолой. Город Данвик, с его огнями, дымом и опасностями, таял за кормой, становясь все меньше и меньше. Впереди была неизвестность — его верная спутница, единственная женщина, которой он никогда не изменял.

— История? — он усмехнулся, глядя на удаляющийся берег, где остался очередной разъяренный муж и очередной обманутый наемник. — Знаешь, старик, если бы я рассказывал все свои истории, то не было бы им конца. Но эта... эта, пожалуй, достойна того, чтобы ее спеть.

Он взял несколько аккордов, ловко подстроив расстроенную струну. Чистый, грустный и немного ироничный звук разнесся над палубой, сливаясь со свистом ветра в снастях. Матросы, закончившие с парусами и освободившиеся от вахты, собрались вокруг, предвкушая развлечение. Александр улыбнулся им всем, и в его черных глазах снова заплясали бесы.

— Что ж, слушайте. Я назову её «Баллада о рогатом муже». Начинается она, как водится, с прекрасной и очень одинокой женщины по имени Элис...

И его голос, уверенный и чарующий, впелся в шум волн, бьющихся о корпус корабля, уносящего его прочь от прошлого, навстречу новым приключениям. Навстречу новым женщинам, новым долгам и новым разъяренным мужьям. Ведь такова была его жизнь, жизнь странствующего барда, трубадура и сердцеда по имени Александр. И, как он сам любил говорить: «Шоу должно продолжаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.